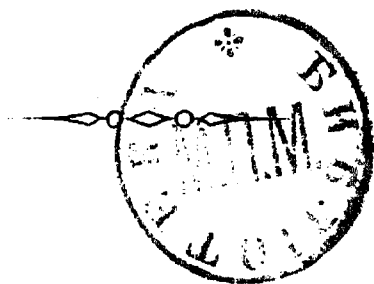

244
99

А
К. Случевскій.

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

МОСКВА.

Университетская типогр., Страстн. бул.

1891.

А

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

Трудно, очень трудно сказать что-либо новое о величайшей святынь русской земли, о Троице Сергіевой Лаврѣ. Но, отъ поры до времени, отваживаться на повторенія слѣдуетъ. Вопервыхъ, все то, что когда-то сказано о Лаврѣ Карамзинымъ, Снегиревымъ, Шевыревымъ, Муравьевымъ, Горскимъ и другими писателями, вовсе не было прочитано многими людьми по нѣсколькимъ, часто неуважительнымъ, причинамъ; во вторыхъ, потому, что есть цѣлый рядъ такихъ историческихъ событій, такихъ памятниковъ искусствъ, такихъ отдѣловъ знаній, которые, въ силу того, что они какъ бы извѣстны всякому, остаются именно поэтому неизвѣстными или, лучше сказать, забытыми. Напоминаніе въ по-

добномъ случаѣ—совершенная необходимость, оправдывающая желаніе сдѣлать очеркъ, чего же: Троице-Сергіевой Лавры и ея былого?

Извѣстный писатель-паломникъ Муравьевъ, талантливость и заслуги котораго въ описаніяхъ русской святыни къ несчастію забываются, начинаетъ свое описаніе Лавры съ лунной ночи: старцы на молитвѣ еще стоятъ въ келліяхъ, несется ароматный запахъ отъ скошеннаго сѣна, золотятся въ мѣсячномъ свѣтѣ маковки храмовъ и слышится порою крикъ ворона, бьющаго крыломъ въ желѣзную крышу древней башни. Шевыревъ, по преимуществу ученый профессоръ, подъѣзжалъ къ Лаврѣ яснымъ вечеромъ, причемъ надъ Лаврою сіяла радуга; въ Москвѣ, замѣчаетъ онъ, радуга ломается о верхи колоколенъ, въ Лаврѣ въ лучахъ заходившаго солнца, оба конца ея упирались въ чистое поле и ярко горѣли всѣ ея семь цвѣтовъ. Снегиревъ писатель гораздо болѣе сдержанный, начинаетъ съ перечня того, какъ, отъ XII вѣка, начиная съ игумена Даниїла и полоцкой княжны Евфросиніи, многіе русскіе люди ходили на поклоненіе святынь вообще и Сергіевой въ особен-

ности, и даетъ много цѣнныхъ историческихъ указаній о пути между Москвой и Лаврой, совершавшемся въ тѣ дни пѣшкомъ или на долгихъ, пути почти не существующемъ сегодня, благодаря желѣзной дорогѣ.

Эти снегиревскія указанія крайне любопытны и свидѣтельствуютъ очень наглядно о томъ, какъ быстро свѣваетъ у насъ время историческіе памятники еще очень близкаго былаго и то, что, въ концѣ концовъ, прочнѣе всего сохраняются они, все-таки, въ письменномъ и изустномъ словѣ, какъ бы въ насмѣшку надъ камнемъ, желѣзомъ и бронзой.

Всѣ московскіе патріархи и нѣкоторые другіе святители далекаго востока и почти всѣ Великіе Князья, Цари и Императоры посѣщали Сергіеву обитель именно этою дорогою отъ Москвы на села Алексѣевское, Танинское, Мытищи, Хотьковъ монастырь, Радонежъ. Путешествія Царей назывались «Троицкими походами»; церемоніаль ихъ бывалъ великолѣпенъ и часто, по примѣру св. Сергія «никогда не ѣздившаго на конѣ», совершались эти походы «пѣшкомъ». По пути стояли въ пяти мѣстахъ великолѣпные «путевые дворцы», въ

трехъ мѣстахъ имѣлись «станы въ шатрахъ» и, кромѣ того, устраивались «слазки», въ которыхъ выходили изъ каретъ, возковъ и колымагъ для переодѣванія. О подобномъ путешествіи Царя оповѣщались задолго впередъ Лавра и попутныя къ ней мѣста; игумну съ братіей писали: «его величества пришествіе къ нимъ будетъ». Шествіе растягивалось очень длинной веревницей. Шли и ѣхали на коняхъ стрѣльцы и пушкарі, скороходы, бояре, дворяне, спальники, стряпчіе и другіе; за Царевымъ поѣздомъ слѣдовалъ не менѣе пышный Царицынъ; возки и телѣги имѣли особыя назначенія: «образной» съ образами для Царскаго моленія, «постельной» съ путною Царскою постелью, «портомойной» съ бѣльемъ; въ особую «поборную» телѣгу складывались подносимыя Государю дорогой вещи; особый «укладничій» смотрѣлъ за укладываніемъ вещей. Походы Царскіе совершались очень медленно, «со всею прохлагою»; по пути раздавали милостыню; во многихъ мѣстахъ дороги существовали «блинны», причемъ блины, уничтоженіе которыхъ искони соединялось у насъ съ помин-